

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/517/19

Государственно-идеологические воздействия на топонимическую систему Притомья в 20–80-е гг. XX в.*

Анатолий Андреевич Тухель¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, Anatoly.Tukhel@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются последствия государственно-идеологических воздействий на топонимику. Выделены качественные этапы функционирования указанной топонимической системы и определены связанные с их сменой трансформации топонимики, в том числе в количественном отношении, а также выявлены деструктивные тенденции и процессы внутри топонимической системы. В качестве подтверждения приводятся численные показатели изменения топонимики в результате реорганизации сельского хозяйства.

Ключевые слова: топонимическая система, государственно-идеологические воздействия, Притомье, коллективизация, ликвидация неперспективных деревень, топоним, ойконим, микропоним

Для цитирования: Тухель А.А. Государственно-идеологические воздействия на топонимическую систему Притомья в 20–80-е гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 171–177. doi: 10.17223/15617793/517/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/19

State-ideological influences on the toponymic system of Pritom'e in the 1920s–1980s

Anatoly A. Tukhel¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Anatoly.Tukhel@yandex.ru*

Abstract. The article examines the state-ideological influences on the toponymic system of Pritom'e (the Tom River Region) from the 1920s to the 1980s and serves as an "ideological continuation" of the author's previous work on an earlier period (the second half of the 19th century to the first quarter of the 20th century). The issue of state-ideological influence on socio-cultural processes, which are directly reflected in the toponymic system, is of particular relevance today. This is because, within the current political context of building a new state model on the ruins of the Soviet system and the reorientation of the Russian state from the "West" to the "East," questions regarding the effectiveness, safety, and adequacy of measures applied to the population, social institutions, various spheres of societal life, and other states are more pressing than ever. Toponymy (in this case, the toponymic system of Pritom'e) serves as the primary instrument, source of information, and indicator of the nature of socio-cultural processes, and is therefore the main subject of this research. Regional trends in the transformation of toponymic systems and their degradation during the Soviet period were largely similar. Consequently, the experience of one system – its qualitative and quantitative data and their dynamics – can be correlated and extrapolated to other toponymic systems, and even to a global, all-Russian level. This necessitates the application of comparative-historical, historical-genetic, structural-diachronic, and systemic methods, as well as content analysis, since toponymy has constantly evolved throughout historical retrospect. There are numerous toponymic systems, ranging from regional to global, and they all differ from one another. The toponymic system of Pritom'e is, first and foremost, a system with its own organizational principles and constituent elements. At different chronological stages, the toponymic system undergoes significant qualitative (e.g., lexical/linguistic composition) and quantitative transformations, making the documentation of such changes essential. As a result of this research, conclusions have been drawn regarding the qualitative stages in the transformation of the key organizational principle of the toponymic system. An analysis of factual material containing information on settlements – their establishment, transformation, and disappearance – has been conducted. Specific examples are provided to illustrate how the toponymic system evolved over time under the influence of socio-cultural processes driven by pronounced state-ideological influence from the 1920s to the 1980s.

Keywords: toponymic system, state-ideological influences, Pritom'e, collectivisation, liquidation of unpromising villages, toponym, oikonym, microtoponym

For citation: Tukhel, A.A. (2025) State-ideological Influences on the toponymic system of Pritom'e in the 1920s–1980s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 171–177. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/19

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

Данную статью можно считать по сути своей продолжением предыдущей работы автора, которая была посвящена государственно-идеологическим воздействиям на топонимику в более ранний период – во второй половине XIX – начале XX века.

Согласно выводам автора, государственно-идеологические воздействия в первую очередь стали катализатором активизации и интенсификации социокультурных процессов в исследуемом регионе и в значительной степени выразились в существенном увеличении численности населения Томской губернии, Томского и Кузнецкого уездов в частности, благодаря активизации миграции населения, в том числе в период проведения Столыпинской аграрной реформы, увеличению его плотности и рождаемости, снижению смертности, усилению межэтнических контактов и активному развитию инфраструктуры [1. С. 97–104]. В результате топонимическая система Притомья подверглась значительным качественным и количественным изменениям (образование новых населенных пунктов и их наименований, видоизменение существующих, появление топонимов-конструктов и т.п.).

Данная же статья посвящена трансформациям в топонимической системе Притомья в результате активных государственно-идеологических воздействий в 20–80-е годы XX века. Но топонимическая система Притомья в указанный период (советская топонимика) примерно на 3/4 представлена дореволюционными наименованиями географических объектов. «Значительно обогатилась топонимия после Октябрьской революции... несмотря на пополнение топонимической лексики новыми словами, большая ее часть представляет собой в сущности словарь отдаленных от нас времен» [2. С. 59]. Поэтому, прежде чем приступить к раскрытию основной темы, анализу факторов, в значительной степени повлиявших на топонимику исследуемого региона, необходимо, насколько это возможно, кратко **обратиться к исходным данным, результатам предыдущей статьи**, о которой было сказано выше. Эти данные – чекпоинт, водораздел, точка невозврата/бифуркация, с которой начались существенные изменения в топонимике, после которой последняя практически полностью утратила самостоятельность, утратила принцип самоорганизации, в значительной степени пострадала и начала разрушаться.

Топонимическая система Притомья во второй половине XIX – начале XX в. представлена подсистемами Южной части Томского и Кузнецкого уездов. На территории Томского уезда (по преимуществу южной его части), по данным памятной книжки Томской губернии 1904 г., в 10-е годы XX века имели место быть 912 ойконимов и 245 гидронимов (1 158 топонимов в общей сложности) [3. С. 5–155]. На территории Кузнецкого уезда – 559 ойконимов и 170 гидронимов (729 топонимов всего) [3. С. 447–551]. До середины 1920-х годов количество зафиксированных наименований географических объектов (ойконимов и гидронимов в основе своей), на основании данных из словаря В.М. Шабалина, увеличилось до 2 503 [4. С. 1–225]. Из них 1 503 – аборигеноязычные топонимы, в основном тюркские. «...Топонимия постепенно обогащалась и становилась более разнообразной. Вместе с ростом

числа поселений на разных уровнях (подсистемном и системном. – А.Т.) происходил и количественный рост названий» [2. С. 59].

Топонимическая система Притомья представлена по преимуществу русскоязычными и тюркоязычными наименованиями – две эти группы преобладают в значительной степени, реже встречаются южносамодийскоязычные и кетоязычные. Русскоязычных топонимов больше, чем топонимов из каждой группы, но на локальном уровне они не всегда довлеют над ними. «Хотя в настоящее время абсолютное большинство жителей ее (Кемеровской области. – А.Т.) является русскоязычным населением, географические названия русского происхождения малочисленнее тех, которые были даны коренным населением» [4. С. 3]. Скажем, на территории Горной Шории тюркоязычных топонимов значительно больше русских, тогда как на севере Кузбасса – наоборот. Благодаря активизации межэтнических контактов на территории региона, высокой интенсивности социокультурных процессов и, самое главное, по преимуществу мирному их характеру, в топонимике все чаще начинают встречаться топонимы-конструкты как на системном, так и на подсистемном уровнях. На территории региона сформировалось около 240 топонимов-конструктов, что сопоставимо в процентном соотношении с численностью аборигенного населения (7,25% от общего числа топонимов и 7,94% численности инородцев от общего числа населения на территории, например, Томского уезда) [1. С. 101–102; 5. С. 49].

В начале XX в., по преимуществу в период проведения Столыпинской аграрной реформы, появилось 126 новых ойконимов, 137 ойконимов видоизменились/были заменены другими наименованиями [5. С. 49]. В Притомье сохраняется на тот момент социокультурное единство большого количества этнических групп, несмотря на активную реформаторскую деятельность и значительное вливание русскоязычного населения и его культуры в регион. «В южной и средней части Западной Сибири имеется замкнутый ареал топонимов...» [6. С. 293], что, безусловно, свидетельствует о самоорганизации и существенной «независимости» топонимической системы Притомья от внешних, казалось бы, деструктивных факторов.

Автор считает, что основными условиями сохранения устойчивости топонимической системы Притомья до начала советских преобразований в XX в. являются: отсутствие прямого и ограниченно косвенное влияние на самоорганизацию и саморегуляцию топонимики; принцип невмешательства в дела аборигенного населения, в том числе Притомья (до аграрно-административной реформы конца XIX в.) [7. С. 503–505; 8. С. 556–566]; самостоятельность в выборе места для поселения до второй половины XIX в.; развитие инфраструктуры в регионе.

С 1900 по 1913 г. увеличилось примерно в 2 раза количество медицинских пунктов [5. С. 43], было построено более двух тысяч верст дорог, что так или иначе способствовало переселенческому процессу и его всестороннему обеспечению (это, безусловно, способствовало сохранению населенных пунктов).

К слову сказать, одной из основных причин самостоятельного/вынужденного переселения сельского населения в другие населенные пункты и города в 60–70-е годы XX века стало отсутствие необходимой инфраструктуры (моста – Асаново-на-Томи, электричества – Ленинка).

Топонимика до начала советских преобразований сохраняла свою устойчивость, представляла собой самоорганизующуюся, независимую систему, которая активно развивалась, которая как живой организм сохраняла в себе самое важное, отторгая естественным образом то, что не могло прижиться или же было для нее слишком чуждым. Она вмещала в себя и аборигенные, и русские топонимы, их комбинацию в виде топонимов-конструктов. В ней сохранялись замкнутые ареалы, на которые по логике вещей должны были, но не воздействовали ни миграция русскоязычных крестьян и их расселение, в том числе императивное, ни потеря аборигенами этнической идентичности в той или иной степени и особого статуса инородческого сословия [5. С. 44; 9. С. 394–416]. «Этот постоянный прилив переселенцев, обновляя сибирское население, вливая новые соки и прибавляя новые черты, составляет пеструю амальгаму жизни!» [10. С. 84]. Топонимика адаптировалась к изменениям и продолжала жить, как и люди, населяющие регион, как и большинство топонимов, которые эти самые люди и создали.

В результате активных межэтнических контактов происходило взаимообогащение культуры как аборигенного, так и русскоязычного населения. Обогащалась и топонимическая система, неотъемлемой частью которой является народонаселение и которая напрямую отражает его культуру через ее главное вместилище – язык. Автором, безусловно, учитывается опыт проведения аграрной реформы Столыпина в начале XX в. и ее значительное воздействие (внешнее с точки зрения системы) на топонимику Притомья, вызванное существенным ростом населения Томской губернии, Томского и Кузнецкого уездов в том числе, интенсификацией социокультурных процессов.

После смены власти в стране в ходе Великой Октябрьской революции, изменения политического режима, государственной идеологии и в результате проведения новой советской администрацией мероприятий, по преимуществу своему, в области реструктуризации сельского хозяйства, саморегуляция и самоорганизация топонимической системы Притомья, как и других подобных региональных топонимических систем, прекратилась. Внесенные властными структурами изменения в сельское хозяйство, начало колхозного строительства, политика укрупнения колхозов и последующие шаги в государственном регулировании аграрного сектора экономики, в том числе ликвидация перспективных населенных пунктов, привели к утрате топонимикой устойчивости и впоследствии к постепенному ее разрушению, которое продолжается до настоящего времени. Следует отметить, что «искусственная» в какой-то мере регуляция топонимики была естественной для текущего уровня развития государства. Внешняя среда топонимической системы стала

воздействовать на последнюю значительно сильнее, чем внутренняя.

Государственная идеология постепенно стала одним из основных инструментов, изменявших топонимическую систему. Появляется дополнительный факт дестабилизации топонимической системы – прямое государственно-идеологическое вмешательство в устройство топонимической системы: переименование, идеологическая обработка. Автор предполагает, что такой обработке были подвергнуты все без исключения наименования географических объектов. Так или иначе, все топонимы проверялись на соответствие советским стандартам или, по крайней мере, на непротиворечие им.

Прямое воздействие на топонимику, зачастую обусловленное, с одной стороны, необходимостью утверждения идеологии, с другой – необходимостью ее поддержания, увековечивания «советской атмосферы», приводит к появлению топонимов-советизмов как инициативы «снизу» или (в большей степени) навязанной «сверху». В период с 1917 по 1925 г. на территории Притомья образуются семнадцать населенных пунктов с подобными названиями; еще четыре населенных пункта переименовываются в идеологическом ключе. Из 126 образованных в первой четверти XX века всего 17 носили «социалистический характер» (Краснинск, Ленино, Октябрьский (шесть одинаковых названий населенных пунктов), Калининский и др.), казалось бы, не так уж и много.

Но топонимическая система, которая по сути является отражением социокультурных процессов и индикатором их характера, стала «заложником» государственного регулирования в том смысле, что политика была направлена на одно (скажем, создание колхозов), но при этом вызывало и совершенно другое – появление/исчезновение, переименование населенных пунктов, каковой цели изначально не ставилось. «На высшей ступени развития общественного производства установление имён и наименование объектов определяются специальными правительственными актами и декретами» [2. С. 57]. Практически повсеместно на фоне реорганизации аграрного сектора постепенно образуются советизированные наименования, которые мы можем зафиксировать в названиях промышленных поселков, колхозов, которые постепенно сливались с названиями населенных пунктов, не повсеместно, но зачастую. Опять же, следует сказать, что сама возможность появления топонима, его видоизменения имеет место быть только в том случае, если есть, что им обозначать. «Советизмы» – неустойчивые ойконимы (Совхоз № 2 НКВД (Совхоз МВД) ликвидирован в 1950-е, Заготскот (Поселок Скотобаза) ликвидирован в 1960-е., Советский ликвидирован в 1970-е).

Возможность их сохранения, по предположению автора, связана с постепенным привыканием к ним советских граждан и идеологической приверженностью последних; наличием «селообразующих предприятий» – колхозов, например, что также определяет и третье условие – государственное регулирование и обеспечение, что выражается в поддержании жизнеспособности

населенных пунктов (развитии инфраструктуры, в частности).

К концу хронологического периода советизированных топонимов (из образованных или переименованных) сохранилось лишь незначительное количество относительно досоветских. При этом топонимы досоветские зачастую имели за собой многовековую историю, что косвенно свидетельствует о правомерности выводов о стабильности и саморегулируемости топонимики Притомья. И то, что веками наращивалось и органически вписывалось вопреки всем сложностям, пустило корни гораздо глубже, чем новодел.

Основной причиной **дестабилизации** и разрушения топонимической системы Притомья в советский период является проводимое советской администрацией регулирование хозяйственной деятельности сельского населения (создание колхозов, их укрупнение, «совхозовизация», ликвидация неперспективных деревень и т.д.). Это является ключевым фактором в изменении топонимики (например, на территории Кемеровской области в 1970-е годы как неперспективные были ликвидированы или исчезли 153 населенных пункта – на 10 больше, чем появилось за предшествующие полвека; к слову сказать, за конец XIX – первую четверть XX века исчезло всего 8) [5. С. 71].

С 1930-х по 1980-е годы из практически 600 населенных пунктов, расположенных на территориях Шегарского, Томского, Кривошеинского, Зырянского и Асиновского районов Томской области, осталось около 280, т.е. чуть меньше половины. Исчезновение этих населенных пунктов напрямую связано с вышеуказанными мероприятиями в области сельского хозяйства [5. С. 77].

Более детально можно проследить динамику трансформации топонимической системы Притомья на примере Молчановского и Кожевниковского районов Томской области. Тенденции общие для всего региона. Ниже приводятся данные за период с 1939 по 1989 г.

Молчановский район [11. С. 1–224; 12. С. 61–64; 13. Л. 1–6; 14. Л. 12; 15. Л. 1].

Согласно полученным данным, на территории Молчановского района в период с 1939 по 1989 г. было **136** уникальных ойконимов. Эти ойконимы соответствуют **118** населенным пунктам. Причиной такого разночтения является наличие у некоторых населенных пунктов двойных, а то и тройных вариантов названия.

На территории административной единицы было зафиксировано **3** заимки, **9** хуторов и **27** малых населенных пунктов, численность которых за весь период с 1939 по 1989 г. не превышала 40–50 человек. Всего таких населенных пунктов, которые можно отнести к «нестабильным» или «неустойчивым», было **39**. При этом следует отметить, что хутора в данном случае по численности были достаточно значительными (например, хутора Троицкие – в 1939 г. – 137 человек, Петропавловка в том же году – 251 человек; для сравнения – деревни Романовка, Базановка – 83 и 67 соответственно).

На территории также зафиксировано **7** топонимов-конструктов, что составляет в общей сложности **5,1%** от общего количества топонимов.

Населенный пункт Луговое **вошел в состав** населенного пункта Игреково в конце 1960-х гг., а также населенный пункт Левый берег Оби **вошел в состав** Знаменки (Нарги) – вот как раз пример двойных названий, о которых речь шла двумя абзацами выше.

Населенные пункты исчезли из-за колхозного строительства, укрупнения колхозов, «совхозизации» или были ликвидированы как неперспективные.

В 1930–1940-е гг.: населенные пункты Малый Тагош, Антиповка, Киприяновка, Кирпичный завод, Пионерлагерь, Пристань Миронова, Выщлан, Километр 6-й, Нагорный, Таганцевка, Макаровка, Фадеева кривуля, Верх-Старица, Вяткино, Кымова, Наша воля, Нижняя Старица, Смирькино, Филиппова, Дурной-Полой, Ивановка, Старица, Усть-Ярма.

1950-е гг.: населенные пункты Левый берег Оби, Захаровка, Междугранный, Рождественка, Савельевка, Титовка, Шагаловка, Пивоваровка, Варфоломеевка, Каракалы-Аксаринск, Кузнецовка, Максимовка, Федосеевка, Чебаново (Чебанская), Бояркино, Верх-Таткино, Туделеково, Чугайка, МТС, Лесоперевалочная база.

1960-е гг.: населенные пункты Верхний Сор, Канаигина (Камангино), Березовка, Троицкие, Трудовик, Большая Корта, Чебаново, поселок Крахмального завода, Мадого (Мадуга), Романовка, Базановка, Десятова (Десятое), Ель-речка, Мундрина (Мудрино), Мандраково, Нижнее Таткино (Таткино), Драничино, Нижняя Пуданга, Новая река, Панчино, Кутузовский, Шагаровка (Шегаровка), заимка Ивановская старица, Колоберга, заимка бакен Куксанко, Малая Анга, Мирный, Луговое, Нижне-Салтыково, заимка Черкесовская станица, Боровое.

1970-е гг.: населенные пункты Волок (Большой Волок), Амбарцево, Былино, Нижний Сор, Афанасьевка, Петропавловка, Анга, Орловка, Ново-Игреково (Хар), Корегода, Усть-Чулым.

1980-е гг.: населенные пункты Золотое (Золотой), Самоседовка, Прогресс, Смолокуровка, Харск, Фоминка, Знаменка (Нарга), Пригородное, Верхне-Салтыково, Орловка, Стрежное, Черкесово.

В разные годы исчезло **100** населенных пунктов (**85%** от общего количества). Из **39** населенных пунктов, не представлявших собой устойчивых образований в силу низкой численности населения или статуса (хутор, заимка) исчезло **38**, все хутора и заимки в том числе, что составляет примерно **32,5%** от общего количества или примерно **38%** от исчезнувших. При этом на территории Молчановского района из 136 ойконимов осталось только **29**, или **21,3%**.

Кожевниковский район [11. С. 1–224; 12. С. 61–64; 16. Л. 1–6; 17. Л. 1; 18. Л. 105; 19. Л. 149].

Согласно полученным данным, на территории Кожевниковского района в период с 1939 по 1989 г. было **133** уникальных ойконима. Эти ойконимы соответствуют **104** населенным пунктам. Опять же, причиной такого разночтения является наличие у некоторых населенных дополнительных вариантов наименования.

На территории административной единицы было зафиксировано **5** хуторов и **14** малых населенных

пунктов, численность которых за весь период с 1939 по 1989 г. не превышала 40–50 человек. Всего таких населенных пунктов, которые можно отнести к «нестабильным» или «неустойчивым», было 19.

На территории также зафиксировано 7 топонимов-конструктов, что составляет в общей сложности 5,2% от общего количества топонимов.

Населенный пункт Малая Муллова **вошел в состав** Шегарского района в 1951 г. Населенные пункты Десятово, Майгано, Старковка **вошли в состав** Кожевниковского района в 1960-е гг.

Населенные пункты исчезли из-за колхозного строительства, укрупнения колхозов, «совхозизации» или были ликвидированы как неперспективные.

В 1930–1940-е гг.: населенные пункты Евсеевка, Чулымчик (Яуш), Бараки Леспромхоза, Усть-Таган (Таганские юрты), Александровка, Демьяновка, Ильинка (Фомихинский), хутор Беговой плесы (Беговой Плех), Голубинка, Круглый Омут, Кобзево, Малая Ромашевка (Вторая Ромашевка), Никифоровка, Северная Ромашевка, Компорово, Заобской.

1950-е гг.: населенные пункты Красный пахарь, Мячено (Мячино), Большая Евтюшина (Евтюшино), Большая Ромашовка, Саратовка.

1960-е гг.: населенные пункты Посинье, Борики, Малый Елгайчик (Малый Елгай), Канаево, Пономарево (Спиртопорошковый завод), Табор, Шайтан, Королевка, Казанский (Малая Кудиновка), Тека (Тека 1, Льва Толстова), Карпово, Бочкаревка, Цветковка.

1970-е гг.: населенные пункты Ивохино (Евохинский, Гольй Чегин), Иринский борик (Иринский бор, Борики), Кирева, поселок Заготскот (Нагорный), Сарай (Сарайная), Береговая Плесо (Беговая Плесо), Майганы, Старковка, Крыловка, Пичугино, Кушлова (Кумлова), Елигечево, Летяжье.

1980-е гг.: населенные пункты Красный Яр, Каштаково, Сознание (Свободная жизнь), Поперечная, Астраханцево, Молчаново, Карлюки, Кудиновка, Ново-Ивановка (Вальковский), Волкодавка, Журиловка, Начало, Могильники, Никольский Борик, Ново-Александровка.

В разные годы исчезло 62 населенных пункта (примерно 60% от общего количества). Из 19 населенных пунктов, не представлявших собой устойчивых образований в силу низкой численности населения или статуса (хутор, заимка), исчезли абсолютно все хутора и заимки в том числе, что составляет примерно 18,3% от общего количества населенных пунктов или примерно 31% от исчезнувших. При этом на территории Кожевниковского района из 133 ойконимов осталось только 48, или 36%.

Исчезновение населенного пункта, его наименования и, самое главное, его населения, которое является (являлось) живым свидетелем, носителем информации о существующих (а они в большинстве своем остаются) или существовавших поблизости от населенного пункта микротопонимах, формирует проблему микротопонимики и ее «учета». Деструктивные тенденции в топонимике (ее разрушение в основе своей) приобретают больший масштаб в случае, если рассматривать

вместе с исчезновением населенных пунктов (ойконимов) исчезновение и микротопонимов (гидронимов, дринонимов, оронимов, зачастую не указанных на картах), о существовании которых известно исследователю непосредственно или опосредованно через знания местного населения. Косвенным подтверждением данного тезиса является тот факт, что при исчезновении населенного пункта вместе с ним исчезает и его название, но таких уникальных названий иногда бывает больше, чем самих населенных пунктов. Бесспорно также, что в каждом населенном пункте есть как минимум одно название улицы, что также по сути своей является топонимом (годонимом).

Например, на территории Мальцевского сельского поселения (с. Мальцево) Юргинского муниципального округа по данным, полученным в ходе проведения интервью с так называемыми «старожилами», имеют место быть следующие микротопонимы: Домнина гора, Косогоры, лог Бикет, Чернышев лог, Сидоркино озеро, Военный городок, Дунай-ручей, Старина (изначально месторасположение населенного пункта), Даль, озера Первое, Второе, Третье и др. Все они, очевидно, исчезнут вместе с селом и его жителями (потенциально).

Таким образом, мы видим перед собой два качественных этапа функционирования топонимической системы – самоорганизацию и прямую и значительную зависимость от деятельности властей. Мы видим две аграрные реформы и конкретные результаты их проведения, измеряемые вполне конкретными показателями в виде появления, переименования, ликвидации/исчезновения населенных пунктов. Почему именно этот критерий важен более остальных? Потому что аграрная сфера напрямую связана с сельским населением. Деревня, село – это источник сельскохозяйственной продукции, залог успеха аграрного сектора – высокий уровень жизни, оснащенности сельского населения, вообще его существования. Если в Столыпинскую реформу сельская переселенческая сеть **прирастает**, то колхозное строительство и последующие мероприятия советской власти эту сеть разрушают, не дают ей **самостоятельно** развиваться. Мы видим совершенно несоизмеримые «цифры потерь» среди населенных пунктов до революции и после, в основном начиная с конца 20-х годов XX века.

Реорганизация сельскохозяйственного сектора экономики СССР, безусловно, не была единственным фактором трансформации топонимических систем, в том числе Притомья. Автор выделяет, помимо всего прочего, инерцию переселенческого процесса, заложенной Столыпинской аграрной реформой, ограниченные внутренние миграции аборигенного населения, переселение из европейской России из-за голода, например, спецпереселения и прочее. Однако она стала определяющей.

Экстраординарное снижение численности населения в ходе Великой Отечественной войны, утрата работоспособности значительной частью трудоспособного населения, в том числе в результате увечий, само собой разумеется, привели к деградации колхозов, совхозов, их «вымиранию» и, соответственно, вынудили советскую администрацию пойти на определенные

шаги, выраженные в «оптимизации» аграрного сектора. Количество населенных пунктов сокращалось, поддержка инфраструктуры ограничивалась в силу огромных, необоснованных в данный период, с точки зрения государства, на это затрат. Автор понимает необходимость проводимых советской властью мероприятий, осознает их целесообразность. Однако, так или иначе, это не отменяет того факта, что топонимика как таковая была подвержена в значительной степени негативным факторам, что привело к ее постепенному разрушению, стиранию культурных следов, отраженных в топонимах.

Обусловленная вызовами времени реструктуризация аграрного сектора экономики, коллективизация, укрупнение колхозов, создание совхозов, ликвидация неперспективных деревень оказали решающее значение в трансформации топонимической системы Притомья в 20–80-е годы XX века. Они же сказались на социокультурной составляющей, поскольку топонимика по сути своей является отражением всех изменений последней. Топонимика реагирует на социокультурные

процессы, в данном случае – активным своим изменением, разрушением в большей степени. Если **представить**, сколько топонимов исчезло в результате указанных мероприятий советской администрации, которые являются качественными этапами непрерывного процесса преобразования сельского хозяйства, то сколько же топонимов исчезло, видоизменилось, появилось в результате других мероприятий, преобразований, например спецпереселений?

Проблема микротопонимов и масштабности трансформации топонимики за счет их (микротопонимов) исчезновения вместе с ойконимами требует дальнейшего исследования и тщательной проработки. Вопрос остается открытым и обозначает дальнейшую перспективу и возможное направление исследования. Кроме того, данная проблема представляется актуальной с точки зрения научного знания и его преумножения и обладает социальной значимостью в области сохранения культурного наследия как аборигенного, так теперь уже и русскоязычного, т.е. всего российского населения.

Список источников

1. Тухель А.А. Трансформация топонимики Верхнего Притомья во второй половине XIX – первой четверти XX века: государственно-идеологические воздействия // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 97–104. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-07.pdf> (дата обращения: 28.08.2024).
2. Жучкевич В.А. Общая топонимика. 2-е изд., испр. и доп. Минск: Вышэйшая школа, 1968. 432 с.
3. Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томский статистический комитет. Томск: Товарищество С.П. Яковлева, 1904. 663 с.
4. Шабалин В.М. Тайны имен земли Кузнецкой: краткий топонимический словарь Кемеровской области. Новосибирск: Наука, 1994. 225 с.
5. Тухель А.А. Социокультурные процессы на территории Верхнего Притомья в 20–70-е годы XX века и их отражение в топонимической системе: магистерская диссертация. Томск, 2023. С. 1–94.
6. Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // Материалы XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1960. С. 289–296.
7. «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губернии Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» от 23 мая 1896 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1899. Собр. 3 (1881–1913). Т. 16. С. 503–505.
8. «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев» от 31 мая 1899 г. Положение // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1899. Собр. 3 (1881–1913). Т. 19. С. 556–566.
9. «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. Устав // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1 (1649–1825). Т. 38. С. 394–416.
10. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1889. 471 с.
11. Список населенных мест Сибирского края: в 2 т. Новосибирск, 1929. Т. 2. 224 с.
12. Численность населения по каждому населенному пункту Томской области по итогам ежегодного учета и Всесоюзных переписей населения за период с 1959 по 1989 г. Томск, 1990. 95 с.
13. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 166.
14. ГАТО. Ф. Р-1085. Оп. 3. Д. 31.
15. ГАТО. Ф. Р-1700. Оп. 5. Д. 16. Приложение.
16. ГАТО. Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 162.
17. ГАТО. Ф. Р-1700. Оп. 5. Д. 24. Приложение.
18. ГАТО. Ф. Р-1085. Оп. 3. Д. 31.
19. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 207.

References

1. Tukhel', A.A. (2021) Transformatsiya toponimiki Verkhnego Pritom'ya vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX veka: gosudarstvenno-ideologicheskie vozdeystviya [Transformation of the toponymy of the Upper Tom region in the second half of the 19th – first quarter of the 20th century: state and ideological influences]. *Istoricheskiy kur'er*. 6 (20). pp. 97–104. [Online] Available from: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-07.pdf>. (Accessed: 28.08.2024).
2. Zhuchkevich, V.A. (1968) *Obshchaya toponimika* [General Toponymy]. 2nd ed. Minsk: Vysheishaya shkola.
3. Tomskiy gubernskiy statisticheskiy komitet [Tomsk Provincial Statistical Committee]. (1904) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1904 god* [Commemorative Book of Tomsk Province for 1904]. Tomsk: Tovarishestvo S.P. Yakovleva.
4. Shabalin, V.M. (1994) *Tayny imen zemli Kuznetskoy: kratkiy toponimicheskii slovar' Kemerovskoy oblasti* [Secrets of the Names of the Kuznetsk Land: A Brief Toponymic Dictionary of the Kemerovo Region]. Novosibirsk: Nauka.
5. Tukhel', A.A. (2023) *Sotsiokul'turnye protsessy na territorii Verkhnego Pritom'ya v 20–70-e gody XX veka i ikh otrazhenie v toponimicheskoy sisteme* [Sociocultural processes in the Upper Tomsk region in the 1920s–1970s and their reflection in the toponymic system]. Master's Thesis. Tomsk.
6. Dul'zon, A.P. (1960) [Ethnic composition of the ancient population of Western Siberia based on toponymy]. *Proceedings of the 25th International Congress*. Moscow. 9–16 August 1960. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury. pp. 289–296. (In Russian).
7. Russian Empire. (1896) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 3 (1881–1913)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 16. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. pp. 503–505.

8. Russian Empire. (1899) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 3 (1881–1913)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 19. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. pp. 556–566.
9. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 1 (1649–1825)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1 (1649–1825)]. Vol. 38. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 394–416.
10. Yadrinsev, N.M. (1889) *Sibir' kak koloniya* [Siberia as a Colony]. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
11. Sibirskiy kraevoy ispolnitel'nyy komitet [Siberian Regional Executive Committee]. (1929) *Spisok naseleennykh mest Sibirskogo kraya* [List of Populated Areas of the Siberian Region]. Vol. 2. Novosibirsk: [s.n.].
12. Tomskstat. (1990) *Chislennost' naseleniya po kazhdomu naseleennomu punktu Tomskoy oblasti po itogam ezhegodnogo ucheta i Vsesoyuznykh perepisey naseleniya za period s 1959 po 1989 g.* [Population Size for Each Populated Locality in Tomsk Oblast Based on the Results of the Annual Census and All-Union Population Censuses for the Period from 1959 to 1989]. Tomsk: Tomskstat.
13. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-591. List 1. File 166.
14. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-1085. List 3. File 31.
15. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-1700. List 5. File 16. Appendix.
16. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-591. List 1. File 162.
17. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-1700. List 5. File 24. Appendix.
18. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-1085. List 3. File 31.
19. State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-829. List 3. File 207.

Информация об авторе:

Тухель А.А. – аспирант факультета исторических и политических наук, младший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Anatoly.Tukhel@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Tukhel, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Anatoly.Tukhel@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.11.2024;
одобрена после рецензирования 26.06.2025; принята к публикации 29.08.2025.*

*The article was submitted 15.11.2024;
approved after reviewing 26.06.2025; accepted for publication 29.08.2025.*